

КОТЫ, БЫВШИЕ И ПРОЧИЕ НЕУДОБСТВА

АЛИСА МОРИНА

Алиса Мори́на

**Коты, бывшие и
прочие неудобства**

«Автор»

2026

Морина А.

Коты, бывшие и прочие неудобства / А. Морина — «Автор»,
2026

Ирина увольняется в один день — тихо, без скандала, но так, будто впервые выбирает себя. Бывший тут же напоминает о себе — словно Ирина всё ещё его собственность. А вечером в её квартире появляются два чужих кота: наглых, умных и совершенно уверенных, что теперь здесь главные они. Один кошачий побег приводит Ирину на соседский балкон — и к Максиму. Он спокойный, закрытый и вежливый ровно настолько, чтобы это выглядело подозрительно. Не лезет с советами, ничего не обещает — просто раз за разом оказывается рядом. Ирине слишком долго приходилось справляться самой, чтобы сразу поверить: помощь не всегда означает контроль, а близость — потерю свободы. Коты, кажется, уже всё решили. Осталось только людям перестать делать вид, что это всего лишь соседская взаимопомощь.

© Морина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алиса Морина

Коты, бывшие и прочие неудобства

Пролог

Коты появляются в моей квартире в тот же вечер, когда я ухожу с работы.

Я сижу на кухне, на подоконнике, и держу кружку двумя руками, хотя кофе давно остыл и греть об него ладони уже бессмысленно. Заварила я его крепче, чем надо, — я всегда завариваю крепче, чем надо, — и с третьего глотка перестала чувствовать вкус.

Один кот обходит комнату по периметру, вдоль плинтуса, и задерживается в каждом углу. В третьем углу стоит коробка с зимними вещами, которую я собиралась убрать на антресоль ещё тогда, когда они стали не нужны. Второй запрыгивает на стол и садится в полуметре от меня.

— Даже не думайте, — говорю я.

Дымчатый переступает лапами и садится ближе.

Утром я смотрела на руку начальника, которая лежала на спинке моего кресла, и считала расстояние от его пальцев до моего плеча — ладонь, может быть, меньше, и меряла я его так, как меряют то, что нельзя назвать вслух. Днём я написала заявление стоя, у принтера, и нажимала на ручку так, что последняя строчка продавилась на второй лист.

В четыре позвонил Олег. Голос у него был мягкий и домашний.

— Как ты?

— Никак.

Он долго выдыхал в трубку. Так он заканчивает разговоры, которые пошли не по его плану.

Я ставлю кружку на подоконник и смотрю вниз, во двор. Соседка с пятого выгуливает таксу вокруг детской площадки, третий круг подряд. Или четвёртый, я сбилась. У мусорных баков разгружают машину.

Дымчатый сходит со стола на подоконник и ложится между мной и окном, вытеснив кружку к самому краю. Я переставляю кружку к стене.

У меня нет работы, нет планов на завтра и два чужих кота, которых я не просила.

Я не хочу новых отношений.

Не хочу начинать сначала.

Не хочу быть сильной ради галочки.

Я хочу, чтобы меня перестали трогать, проверять, учить жить и решать за меня. Беда в том, что стоит перестать быть удобной, и мир немедленно начинает проверять, надолго ли тебя хватит.

Рыжий заходит на кухню, садится в дверях и смотрит, как я сижу.

— Что, — говорю я ему.

Он не отвечает и не уходит.

Я допиваю холодный кофе и ставлю кружку в раковину, где она задевает тарелку, тарелка звенит, и оба кота поворачивают головы одновременно.

Потом дымчатый спрыгивает с подоконника и идёт к двери — проверять, заперта ли она, насколько я могу судить по его виду.

Я больше не хочу быть чужой самой себе.

С этого всё и начинается.

Глава 1

Будильник звонит вовремя, но я не сплю уже минуту: последнее время просыпаюсь раньше него и лежу с закрытыми глазами, жду.

Нащупываю телефон, нажимаю «ещё пять минут» и кладу его экраном вниз. Через пять минут нажимаю то же самое. Потом ещё раз.

Потом всё-таки сажусь и ставлю ноги на пол, который холодный, потому что батарею включают только к вечеру, а до вечера в этом доме принято мёрзнуть. За окном шумит мусоровоз, у соседей сверху роняют что-то тяжёлое, и больше ничего не происходит.

На кухне первым делом я вижу мусорное ведро, набитое до крышки: вчера я решила, что вынесу его потом, и это «потом», как обычно, не наступило.

— Отлично, — говорю я ведру. — Ты тоже молодец.

Я ставлю чайник, достаю кружку, зачем-то достаю вторую и убираю обратно: доставать две я перестала не сразу и, видимо, ещё не перестала. Кофе получается такой крепкий, что на языке остаётся горечь; я доливаю воды, пробую, морщусь и допиваю до дна.

Кружку я ставлю подальше от края стола, ближе к стене.

Смотрю на часы и зависаю над ними секунд на десять. Или на двадцать. Я никуда не опаздываю.

Обычно в это время я уже стою в прихожей и ищу второй ботинок. Сегодня я стою на кухне с пустой кружкой и слушаю, как гудит холодильник.

Пакет с мусором я опять обхожу, хотя он стоит ровно на дороге и задевает меня по ноге.

В вагоне я встаю у двери и держусь за поручень одной рукой, второй прижимая сумку к боку. На «Полянке» входит мужчина с рюкзаком и задевает меня углом рюкзака, извиняется, я киваю. В тёмном стекле напротив у меня сжаты губы; я разжимаю их и досчитываю до своей станции.

Турникет пропускает меня с третьего раза: карта срабатывает, только если приложить её углом. У лифта кто-то разлил кофе, уборщица ставит жёлтый конус, и я обхожу его по краю.

На экране открыт вчерашний график: четыре отдела, семнадцать строк, и в девяти стоит дата, которую мне пообещали и не дали. Четвёртая строка сверху — отдел, который ни разу на моей памяти не сдал таблицу вовремя, и я до сих пор не знаю, как зовут их начальника: в письмах он подписывается одной буквой.

Начальник появляется у моего стола слишком быстро, минуты через три после того, как я села, — он караулил.

— Как настроение? Настроение сегодня как, а?

— Рабочее.

Он улыбается и подходит ближе, чем нужно, так что я вижу пятнышко на его рукаве.

— А выглядишь... ну, как всегда. Отлично выглядишь.

Я киваю, не поднимая головы, и двигаю мышкой, чтобы экран не гас. Он гаснет всё равно, у этого монитора своё мнение насчёт двух минут, и я жму пробел.

— Там по проекту, это самое, сроки горят, — говорит он. — Сегодня бы задержаться. На часок. Или сколько получится. У тебя же сейчас... свободнее, чем раньше.

Я поднимаю глаза.

— Задерживаться не буду.

Он делает вид, что не слышит, и кладёт руку на спинку моего кресла.

Сначала я смотрю на эту руку — на пальцы, на обручальное кольцо, на расстояние до моего плеча. Потом перевожу взгляд на стол, потом обратно на руку.

— Убери.

Он усмехается.

— Да ладно тебе. Ну чего ты.

Я встаю, и кресло на колёсиках скрипит по ламинату громче, чем я рассчитывала, — оно всегда так скрипело, просто раньше я старалась вставать аккуратно. Хорошо. Пусть слышат в соседнем ряду.

— Убери руку, — повторяю я.

Теперь он смотрит иначе: сначала удивление, потом раздражение. Я только что нарушила негласный договор, по которому я терплю, а он делает вид, что это комплимент.

— Ты чего завелась? Я же ничего такого.

Внутри у меня что-то встаёт на место, и я слышу собственный голос ровным.

— Вот именно. Ты своё «ничего такого» делаешь регулярно.

— Это шутка была. Ты всё не так понимаешь. Не надо так реагировать, — говорит он, и с каждой фразой говорит быстрее.

Я его уже не слушаю.

Я складываю в сумку телефон, документы, ключи, зарядку от наушников и проверяю молнию — спокойно, ровно, не роняя ничего.

— Ты куда?

— Домой.

Пауза.

— Совсем.

Заявление я пишу стоя, на углу стола у принтера, где лежит бумага и где обычно подписывают всё, что нужно подписать быстро. Почерк выходит слишком аккуратным, и это меня злит; я сильнее нажимаю на ручку, от чего последняя строчка продавливается на второй лист.

Я отдаю лист и не жду ответа.

На улице я останавливаюсь в двух шагах от дверей и перекидываю сумку на другое плечо. Ремешок давно вытянулся и съезжает.

Я прохожу два квартала и на третьем сажусь на скамейку у остановки, потому что у меня начинают дрожать колени — так бывает, когда долго простоишь на одном месте и кровь возвращается в ноги, и я объясняю это себе именно так.

Сумка съезжает с колен. Я подхватываю её у самой земли, ставлю рядом и придерживаю ладонью.

На другой край скамейки садится женщина с пакетом из аптеки, достаёт коробочку, читает что-то на обороте, убирает обратно и уходит к переходу. Коробочку она потом достаёт ещё раз, уже на переходе.

Телефон вибрирует во внутреннем кармане. Я лезу за ним двумя пальцами, цепляю ключи и вытаскиваю всё вместе.

Юля.

«Ирка, ты жива?»

Я печатаю одним пальцем, второй рукой придерживая сумку.

«Жива. Ушла. Кажется, навсегда».

Ответ приходит через секунду:

«Ого».

Он дёргается ещё раз, прямо в руке.

Олег.

«Ты правда всё бросила?»

Я читаю сообщение дважды.

— Ну конечно, — говорю я телефону, потому что сказать это больше некому: на остановке я одна.

Экран гаснет сам, и я убираю телефон во внутренний карман, застёгиваю молнию и дёргаю её ещё раз, проверяя.

К остановке подходит четвёртый автобус, стоит с открытыми дверями и уезжает пустым. Водитель смотрит на меня через стекло, я качаю головой.

До конца рабочего дня ещё пять часов, и впервые за шесть лет они не мои.

Я встаю. Иду пешком: автобус едет туда же, только быстрее, а быстрее мне никуда не надо.

Через квартал сообщаю, что на столе осталась моя кружка. Белая, с выцветшей надписью про понедельник, которую мне подарили на какой-то корпоратив и которую я так и не полюбила.

Возвращаться за ней я не буду. Пусть стоит.

Глава 2

Дома я снимаю куртку, вешаю её на крючок и стою в прихожей, пока с рукава не перестанёт капать.

Я ставлю чайник, достаю кружку, насыпаю кофе — две ложки, как всегда, хотя сегодня никакого «как всегда» уже нет. Руки делают это сами, и от этого становится немного легче.

Телефон вибрирует на столе и разворачивается на четверть оборота.

Олег.

Я вытираю ладони о джинсы и беру трубку на четвёртом гудке.

— Ну ты чего? — голос у него спокойный, отрепетированный.

— Что именно «я чего»?

— Уволилась. Трубку не берёшь. Мне Юля сказала. Всё нормально вообще?

— Уже да, — говорю я. — Только не начинай.

— Я не начинаю. Я просто переживаю.

Я сажусь на табурет и подтягиваю к себе сахарницу, в которой лежат скрепки.

Мы прожили вместе шесть лет и разъехались три месяца назад, и все эти три месяца Олег звонит так, будто перерыв у нас технический и вот-вот закончится, а я каждый раз отвечаю, чем и поддерживаю в нём эту уверенность.

— Олег, давай честно. Ты звонишь не потому, что переживаешь. Ты звонишь, потому что привык, что тебе всё докладывают.

В трубке становится тихо. Потом он вздыхает.

— Ир, я же... я же не про это. Я про то, что если что — я рядом. Ты знаешь. Что бы там ни было, ты всегда можешь... позвонить хотя бы.

Я перебираю скрепки и раскладываю их на столе по размеру. Больших четыре, маленьких одиннадцать, одна погнутая, её я откладываю отдельно.

— Ты слушаешь?

— Слушаю.

— Я к тому, что рассчитывать можно. На меня. Вот и всё, что я хотел.

— Спасибо, — говорю я. — Но пока не надо быть рядом. Мне нужно самой.

— Ладно.

«Ладно» у него выходит с нажимом на первый слог, и трубку он не кладёт ещё секунды две. Я отключаюсь первой и сыпаю скрепки обратно в сахарницу, погнутую тоже.

Чайник шёлкает. Я наливаю кофе, сажусь на подоконник и смотрю вниз. По двору идут люди с пакетами, у каждого есть маршрут; у меня на сегодня маршрута нет. Женщина из соседнего подъезда несёт два пакета в одной руке, а третий прижимает подбородком, и я жду, дойдёт ли она так до двери. Дошла.

К обеду я разбираю нижний ящик в шкафу. Из него выходят: четыре зарядки, две от техники, которой у меня уже нет, старые чеки за ремонт, провод с оплавленным штекером и ключ от квартиры, в которой я жила до Олега. Ключ я узнаю не сразу: сначала думаю, что он от почтового ящика, потом вижу брелок, облезлую божью коровку, и вспоминаю.

Ключ я кладу обратно, чеки выбрасываю, зарядки складываю стопкой и придавливаю коробкой.

Порядок получается условный. Коробка сползает со стопки, я ставлю её ещё раз, боком, и на этот раз она стоит.

Звонок в дверь застаёт меня на середине коридора.

— Открывай, это я!

Юля вваливается сразу всем объёмом: чемодан на колёсиках, рюкзак на одном плече, две переноски и пакет, который она сразу ставит на пол и задвигает ногой к стене.

— В пакет не смотри. Там корм, тряпки и что-то ещё, я сама не помню. А вот это — твои новые соседи.

Я присаживаюсь на корточки к переноскам, из одной на меня смотрят жёлтые глаза, из второй зелёные, и обе морды придвигаются к решётке одновременно, как будто их этому где-то учили. Жёлтые — у рыжего. Зелёные — у дымчато-серого, который светлее к животу и линяет, судя по решётке, круглый год.

— Феликс и Персик, — говорит Юля, отцепляя рюкзак. — Две недели. Я предупреждала. Отпуск.

Феликс издаёт короткое недовольное «мрр» и толкает дверцу лбом. Персик молчит и смотрит поверх моего плеча, в глубину коридора.

— Они сложные? — спрашиваю я.

— Относительно. — Юля показывает пальцем на Феликса. — Этот умеет открывать дверь в подъезд. Лапой и весом. Потом будешь ловить его по этажам. А Персик ворует хлеб. Просто потому что может.

Она открывает обе переноски и отступает на шаг.

Коты не вылетают. Они выходят по очереди, Феликс первым, и идут на кухню, не оглядываясь. Персик по дороге останавливается у стула, запрыгивает на него и садится.

Юля проходит следом, оглядывает кухню тем взглядом, которым осматривают чужую квартиру люди, считающие, что имеют на это право, и трогает пальцем чистую плиту.

— У тебя тут монашеская тишина. Идеально для интровертного ретрита. Точно не передумала? Могу отвезти их маме. Могу. В смысле, могу, но ты скажи сейчас, потому что такси уже внизу.

— Оставляй, — говорю я. — У меня как раз... в графике пустота. Много пустоты.

Она подходит и обнимает меня одной рукой, быстро и крепко, второй придерживая лямку рюкзака, который к этому моменту уже наполовину сполз с плеча.

— Ты держись, ладно? Я знаю, ты умеешь. Но если что — можно и не уметь.

— Я справлюсь. Особенно если не придётся никому это доказывать.

Юля кивает, целует меня в щёку, подхватывает чемодан и уже в дверях оборачивается:

— Такси ждёт. Персик, не рушить тюль. Феликс, не строить революцию. Ирка, пиши.

Дверь закрывается. Колёсики чемодана стучат по ступенькам — четыре этажа, лифт у нас едет со скоростью пешехода, — потом хлопает подъездная дверь, и стук уходит во двор.

Я поворачиваю ключ дважды и дёргаю ручку.

В пакете оказываются: полтора килограмма корма, две миски, пластиковый совок, четыре пакета наполнителя и свёрнутое вафельное полотенце. Лоток Юля забыла.

Миски я расставляю на кухне у батареи, потому что больше их поставить некуда: кухня у меня такая, что два кота и две миски — это уже планировка. В одну насыпаю корм, во вторую наливаю воду из-под крана. Феликс приходит на звук, опускает морду в миску и тут же поднимает, оглянувшись на меня.

— Ешь, — говорю я.

Он ест. Персик спрыгивает со стула, обходит миску по дуге и садится в дверях, откуда видно и меня, и коридор.

Я сажусь на пол, спиной к шкафу, и вытягиваю ноги.

— Официально — добро пожаловать.

Феликс доедает и уходит на подоконник. Персик остаётся в дверях.

Глава 3

Феликс сбегает в восемь утра, через щель шириной в ладонь, которую я оставила открытой на две секунды.

Я как раз собралась быть ответственным человеком и вынести мусор — тот самый пакет, который стоит у двери со среды, подтекает на линолеум и каждый день напоминает мне о себе ровно в тот момент, когда выносить его уже поздно. Чайник на плите, кружка на столе, тапки на ногах. Я беру пакет, поворачиваю ручку и в эту секунду слышу телефон.

Номер незнакомый, три девятки на конце — банк или доставка. Я возвращаюсь на кухню, чтобы не разговаривать в подъезде, и ставлю пакет у порога.

В трубке молчат, потом дают отбой. Перезванивать я не буду: если банк — перезвонит сам, если доставка — тем более.

Чайник щёлкает. Я наливаю кофе, делаю первый глоток и только тогда смотрю под стол, где Феликс спит с шести утра на сложенном вчетверо вафельном полотенце.

Полотенце пустое, с вмятиной посередине, и ещё тёплое.

Я проверяю за занавеской, под кроватью, в шкафу с постельным бельём и за стиральной машиной, куда он не влезет при всём желании, но проверить надо, иначе потом окажется, что именно туда он и влез. Персик сидит посреди кухни, подняв заднюю лапу, и умывается, не прерываясь на моё имя.

— Феликс.

Персик опускает лапу и смотрит на меня жёлтыми глазами, в которых нет ни одной новости.

В прихожей дверь стоит на ладонь от косяка. Я толкаю её, и она уходит внутрь: замок не защёлкнулся.

— Великолечно, — говорю я порогу.

В подъезде пахнет пылью и чужим ремонтом, и лампочка на площадке мигает через раз с прошлого месяца. Я спускаюсь на пролёт вниз, поднимаюсь на два вверх, заглядываю в нишу с почтовыми ящиками. Пусто.

— Феликс? Феликс, ну.

Голос у меня получается вежливый и просительный, как у человека, который пришёл за долгом и уже понял, что ничего не получит.

Он сидит у лифта, подогнув хвост, и ждёт кабину с выражением пассажира, которому обещали бизнес-класс, а лифт, между прочим, стоит на девятом и никуда не торопится.

— Иди сюда.

Он не двигается. Я делаю шаг — он отступает на полступеньки и снова садится, выдержав ровно то расстояние, на котором меня можно не воспринимать всерьёз.

Внизу хлопает подъездная дверь. Феликс срывается с места и уходит вниз по лестнице тремя длинными прыжками.

— Да стой ты!

Я бегу следом в тапках, которые после стирки стали на размер меньше, в халате и без ключей. На пролёте между четвёртым и третьим он устраивается между прутьями перил и начинает смотреть в окно, за которым ничего нет, кроме мусорных баков и тополя.

— Просто утро мечты, — говорю я вслух и отдираю тапок, который остался на ступеньку выше. Подошва липнет: тут кто-то что-то пролил и не вытер.

— Он у вас часто так?

Голос идёт сверху и звучит без раздражения и без усмешки. Я оборачиваюсь.

Мужчина стоит на площадке четвёртого — на моей же, — в расстёгнутой куртке, с ключами в руке. Два ключа на кольце, больше ничего. Он смотрит на кота, а не на меня, и смотрит так, как смотрят на знакомую вещь.

— Нет, — отвечаю я. — То есть да. Обычно тише.

Он кивает, скорее себе, спускается на три ступеньки, приседает на корточки и щёлкает пальцами один раз.

— Иди.

Феликс идёт.

Не ко мне. К нему. Спокойно, не торопясь, с видом человека, который сам так решил ещё вчера.

Мужчина подхватывает его под грудь, одной рукой, не сюсюкая и не делая из этого события, и протягивает мне.

— Держите.

Я прижимаю кота к груди. Он тут же начинает извиваться и бить задними лапами в воздух, оскорблённый тем, что свободу отменили.

— Спасибо, — говорю я. — Он... не мой. Временно.

— Нормальный кот.

Его взгляд скользит по моим тапкам, по халату, по завязке, которая волочится по ступеньке, и возвращается к Феликсу. Без оценки, как проверяют комплектность.

— Это тоже временно, — уточняю я.

Он усмехается краем рта и уходит вниз, и подъездная дверь внизу закрывается без хлопка: он придерживает её ладонью.

Я поднимаюсь, захожу и закрываю дверь до щелчка, а потом ещё раз дёргаю ручку на себя.

Феликс вырывается в прихожей и уходит на кухню, задев хвостом пакет с мусором. Персик по-прежнему сидит на своём месте и провожает его взглядом человека, у которого всё получилось.

— Соучастник, — говорю я Персику.

Кофе за это время остыл до комнатного. Я выливаю его в раковину, ставлю чайник заново и опираюсь ладонями о столешницу, пока в горле не перестает стучать. Столешница у края отходит от стены, и туда всё время что-то закатывается.

На столе лежит телефон экраном вверх. Сообщение от Олега: «Ты правда всё бросила?» — второе за два дня, слово в слово. Я открываю, пролистываю до конца и кладу телефон обратно лицом в стол.

Персик запрыгивает на стол и садится рядом с кружкой, вплотную, и смотрит на неё, пока я не отодвигаю.

— Ты хотя бы из подъезда не сбегаешь. Пока.

Он моргает медленно, в два приёма, как моргают коты, когда считают разговор законченным.

Часы на плите показывают двадцать минут девятого, и это значит, что в прежней жизни я бы сейчас выходила из метро. Я стою посреди кухни в халате, с растрёпанными волосами, с чужим котом на батарее и с пакетом мусора у двери.

Взрослая женщина бегала по подъезду за котом, который ей не принадлежит, и объясняла незнакомому мужчине, что это временно, — и объясняла дважды, что хуже всего.

Имени его я не спросила.

И спрашивать не собираюсь.

Пакет с мусором всё ещё стоит у двери. Я выношу его наконец, в халате и в тапках, и на обратном пути проверяю замок дважды.

Глава 4

Кофе заканчивается раньше, чем я успеваю почувствовать вкус, — я пью его быстро с тех пор, как перестала завтракать на бегу, и от привычки бегать осталась только скорость.

Феликс лежит на батарее, вытянувшись во всю длину так, что хвост у него свисает до пола, а Персик сидит под столом и смотрит в одну точку на плинтусе, где, насколько я вижу, ничего нет.

Я проношу кружку в раковину, возвращаюсь, сажусь, встаю, прохожу до окна и обратно, и на третьем круге задеваю плечом дверь спальни, останавливаюсь и стою перед ней, держась за ручку, хотя заходить туда мне не нужно.

Мысль о вчерашнем соседе приходит без формы — так бывает, когда точно знаешь, что забыла что-то важное, и не можешь вспомнить что, и ходишь весь день с этим ощущением, пока оно само не пройдет.

Я открываю ноутбук. Экран светится пустотой, и я закрываю его через минуту — не до конца, потому что между половинками застряла крошка. Включаю телевизор, сразу убираю звук и ловлю себя на том, что слежу за губами ведущей.

Телефон на столе оживает.

Олег.

Я смотрю на экран и кладу телефон обратно. Он звонит снова, потом ещё раз.

Я беру трубку.

— Ты где? — без приветствия.

— Дома.

— И что ты там делаешь?

Я оглядываюсь. На столе крошки, в раковине кружка, под столом кот.

— Сейчас? Ничего.

— Ты понимаешь, что у тебя сейчас... ну, вообще-то сложный период, — голос у него становится плотнее. — Ты одна. Без работы. Я же вижу.

— Олег, давай без этого.

— Я не без этого. Я переживаю. Ты опять всё на эмоциях.

Я молчу и смотрю, как Персик двигает хвостом по полу. Раз. Ещё раз.

— Я уволилась, — говорю я. — Это моё решение.

Он молчит ровно столько, чтобы я успела пожалеть, что ответила.

— Тебе просто тяжело одной, — говорит он мягче. — Ты опять думаешь, что справишься.

— Я справлюсь, — отвечаю я автоматически, и на слове «справлюсь» голос у меня садится.

— Вот. Ты всегда так. Сама. А потом...

— Мне сейчас не нужен этот разговор.

— Конечно, — холодеет он. — Когда разговор был нужен, ты ушла.

Я нажимаю «завершить» и сую телефон в карман халата. Карман у халата с дыркой в углу, телефон каждый раз норовит уйти в подкладку, и каждый раз я думаю, что зашью.

Через несколько секунд под ладонью коротко дёргается — сообщение. Я не переворачиваю.

Я иду в ванную, включаю горячую воду и подставляю под струю ладони, и держу их там, пока кожа не краснеет и пальцы не перестают слушаться.

Потом закрываю кран и вытираю руки о полотенце, которое висит здесь с прошлой недели.

Когда я возвращаюсь на кухню, Феликс уже сидит на столе и смотрит в окно. Я протягиваю руку, чтобы согнать его, и останавливаюсь на полдороге.

В подъезде тот мужчина смотрел не на меня, а на кота. Обычно сначала смотрят на меня, и по лицу видно, как складывается сумма. Он посмотрел на кота, потом на мои тапки, потом снова на кота.

Я трясую головой и открываю форточку.

— Всё, — говорю я вслух.

Коты не реагируют. Феликс перекладывает лапу, Персик выходит из-под стола и садится у миски.

Я сажусь за стол, всё-таки открываю сообщение от Олега, пролистываю до конца и закрываю, не дочитав.

Потом пишу Юле:

«Один из твоих котов сбежал. Поймали. Всё нормально».

Ответ приходит почти мгновенно:

«Я знала, что он что-то устроит».

Я усмехаюсь и кладу телефон на стол рядом с кружкой. Потом отодвигаю его к сахарнице, на расстояние вытянутой руки. Феликс спрыгивает со стола на подоконник, и от толчка телефон едет обратно ко мне. Я отодвигаю его снова и ставлю сверху сахарницу, чтобы не ездил.

Сегодня я не обязана отвечать сразу.

Телефон под сахарницей всё равно дёргается: Юля прислала фотографию моря с подписью «завидуй», и я не завидую, а убираю сахарницу и ставлю телефон на зарядку.

Глава 5

В начале шестого что-то будит меня само, без будильника. Я переворачиваюсь на другой бок и через десять минут всё равно встаю.

В коридоре я задеваю плечом куртку, она сползает с крючка, и я поднимаю её с пола. Крючок я вкрутил в первый день, на глаз, и на нём висит только то, что легче куртки. На рукаве, у локтя, светлая кошачья шерсть — три или четыре волоска. Я снимаю их и стряхиваю с пальцев.

Вчера этот кот сидел между прутьями перил и смотрел на меня с претензией, а его хозяйка стояла ниже, на пролёте, в халате и в тапках, которые ей малы. Халат был синий. Или серый, я не разглядывал, я разглядывал кота.

«Он... не мой. Временно».

И потом почти тем же тоном:

«Это тоже временно».

Я вешаю куртку обратно, проверяю, держится ли крючок, и иду на кухню.

Там пахнет новой мебелью и картоном, и запах этот держится третью неделю, хотя картон я почти весь вынес. Наливаю воду в чайник, ставлю его и открываю окно. Во дворе выезжает первая машина, сдаёт назад дважды и всё равно задевает бордюр.

Чайник щёлкает. Я насыпаю кофе прямо в кружку, заливаю кипятком, и половина гущи всплывает и остаётся плавать сверху, потому что ситечка у меня нет и, судя по темпам переезда, не будет. Пью стоя, у подоконника; гуща лезет на зубы.

Телефон на столешнице ползёт к краю и останавливается.

Роман.

— Да.

— По четвергу сроки сдвигаются, — говорит Роман. — Я перенёс на вторник, они согласились. Сейчас не лучшее время для резких движений.

— Я не двигался.

— Ты стал менее доступным. Мы так не договаривались.

— Я занят.

— Мы все заняты. Вопрос в приоритетах.

Я смотрю во двор. На детской площадке со вчера стоит чей-то самокат, и его до сих пор никто не забрал.

— Надо увидеться, — говорит Роман. — Лучше сегодня.

— Хорошо.

Я отключаюсь и кладу телефон на столешницу экраном вниз.

Открываю ящик. Приборы лежат в плёнке, перетянутые резинкой. Я достаю вилку, верчу её в руке и кладу обратно: распаковывать набор ради одного завтрака глупо.

Есть всё равно не хочется. Я открываю приложение, листаю до того места, где заказывал в прошлый раз, и заказываю то же самое, не читая, что это было.

Пока жду, вскрываю коробку с книгами и ставлю их на полку без порядка, корешками наружу. Две книги оказываются одной и той же: я купил её дважды, с разницей в год, и оба раза не дочитал. Полка заполняется на треть.

Экран загорается снова.

Кристина.

«Ты где? Ты опять молчишь».

Я не отвечаю и возвращаюсь к коробке.

Доставка приезжает за двадцать минут. Курьер звонит дважды: сначала «я на месте», потом «а вход у вас где, тут шлагбаум». Я выхожу к нему без куртки.

— Подъезд с торца, — говорю я. — Где шлагбаум, там и есть.

— А. Вижу.

Он отдаёт пакет и уезжает, не дожидаясь, пока я посмотрю, что внутри. Ем из контейнера стоя, у той же столешницы, и ставлю контейнер в раковину.

Перед выходом проверяю карманы: ключи, телефон, кошелёк. У двери задерживаюсь и прислушиваюсь к площадке.

За соседней дверью что-то падает, потом там смеются — коротко, один раз.

Я стою ещё секунды три. Потом закрываю свою дверь, проверяю её на себя и спускаюсь вниз через ступеньку; на втором этаже вспоминаю, что окно на кухне открыто, и не возвращаюсь.

Глава 6

Персик исчезает ближе к полудню.

Я замечаю это не сразу: сначала оглядываюсь на пустой стул, потом на пустой подоконник, потом иду считать котов по комнатам.

Феликс спит на подоконнике, вытянув лапы. Я трогаю его ухо — тёплое, — и он дёргает усом, не просыпаясь.

— Персик, — зову я.

Тишина.

Я обхожу коридор, заглядываю в ванную, открываю шкаф с постельным, поднимаю покрывало и смотрю под кровать, где, кроме пыли и одной гантели, никогда ничего не было. Отдвигаю шторку душа — уже из принципа, — и два кольца соскакивают со штанги. Я вешаю их обратно, хотя сейчас не до колец.

Нигде.

— Прекрасно, — говорю я вслух, потому что разговаривать с котами я начала быстрее, чем готова признать. — Один побегал для разминки, второй решил не отставать.

На кухне я беру пакет с кормом и трясу им над миской, потому что на этот звук приходят даже те, кто притворяется мёртвым.

Приходит Феликс, садится у миски и смотрит на пакет. Не тот кот.

Я проверяю входную дверь, которая закрыта на два оборота, как я её и оставила, окна тоже закрыты, потому что с утра холодно, и остаётся, стало быть, балкон.

На балконе пусто, и я всё равно осматриваю ящик с инструментами, который стоит там с прошлого лета, заглядываю за старую сушилку и, придерживаясь за перила, высовываюсь посмотреть вниз, хотя смотреть вниз с четвёртого этажа мне не хочется совершенно.

Потом спускаюсь на этаж ниже и звоню соседке, у которой в подъезде всегда пахнет укропом — не иногда, а всегда, в любое время года, и что она с этим укропом делает, я так и не выяснила.

Она открывает и придерживает дверь ногой, потому что руки у неё в чём-то мокром и она держит их на весу.

— Персика не видели? Рыжий, с характером.

— Рыжий?

— Ну. С характером.

— Неа. У меня сегодня всё спокойно. У меня вообще спокойно, я борщ варю. Вам, кстати, свёкла не нужна? Я три кило взяла, куда мне три кило.

— Нет, спасибо.

— Ну смотрите.

Дверь закрывается аккуратно, но с намёком: если ещё раз, то уже без укропа.

Я поднимаюсь обратно, открываю шкаф второй раз и перекладываю стопку простыней, хотя уже знаю, что кота там нет, и знала это ещё в первый раз.

— Персик.

Кота нет. Есть Юлина зарядка, которую она искала при мне по телефону в прошлый вторник.

— Зато вот, — говорю я Феликсу. — Зарядка.

Феликс поднимает голову.

— Тебе неинтересно, я поняла.

Зарядку я кладу на тумбочку, где она немедленно теряется среди моих.

— Все сбегает, — сообщаю я в пустой коридор. — Олег, работа, планы, привычная жизнь. Теперь коты. Что дальше? Холодильник оформит командировку?

Холодильник как раз включается и начинает гудеть громче обычного.

— Вот именно.

На экране висит пропущенный от Юли, и я перезваниваю, зажимаю телефон плечом и продолжаю искать, потому что стоять на месте и разговаривать я сейчас не могу.

— Только не паникуй, — начинает она. — То есть паникуй, но не сильно.

— Уже поздно.

— Что, опять?

— Угадаешь, кого не хватает?

Пауза.

— Только не Персика...

— Персика.

— Я же говорила, его нельзя выпускать. Он из тех, кто сначала делает, а потом даже не жалеет.

— Спасибо. Поддержка уровня «мать года».

— Ты на него кричала?

— Нет. Я с ним вообще как с человеком.

— Вот. Он из таких, которые уходят молча. И обидно.

— Прекрасно. Я ещё и виновата.

— Найдётся, — говорит Юля. — Рыжие возвращаются.

— Это ты про кота или философствуешь?

— Пока не решила.

Я сажусь на край ванны и перекладываю телефон в руку. Край холодный, и это, как ни странно, помогает.

— Ладно. Если что — сообщу.

— Он не из теряющихся, — добавляет она. — Просто проверяет границы.

— Идеально. Именно этого мне сейчас не хватало — проверок границ от временно прописанных котов.

Юля смеётся и отключается.

Я снова выхожу на балкон и перегибаюсь через перила дальше, чем следует.

Он там.

Только не на моём балконе, а на соседском, через полтора метра бетона и пустоты.

Сидит у самых перил, подобрал хвост, и смотрит во двор.

— Персик.

Он поворачивает голову, смотрит на меня и отворачивается обратно.

Я оцениваю расстояние — полтора метра, четвёртый этаж, тапки после стирки на размер меньше, — и даже если я внезапно обрету способности человека-паука, выглядеть это будет сомнительно, особенно со стороны двора, где как раз кто-то курит.

Значит, сосед.

Я возвращаюсь в квартиру, смотрю на футболку с пятном от вчерашнего соуса и иду переодеваться, но на полдороге разворачиваюсь, потому что, пока я переодеваюсь, он успеет перебраться ещё куда-нибудь, и тогда переодевание окажется единственным, чего я сегодня добилась.

В коридоре я останавливаюсь у соседней двери и поднимаю руку к звонку.

Рука зависает. Звонок у него, кстати, без кнопки: пластина и два провода, въехал и не починил.

Постучать почти незнакомому мужчине с фразой «у вас на балконе мой кот» — это начало романтической комедии, а я в футболке с пятном и в тапках, которые мне малы.

— Великолепно, — бормочу я. — Мой социальный пик.

И стучу.

Глава 7

Дверь открывается не сразу.

Я успеваю трижды пожалеть, что вышла в коридор, и придумать запасной вариант на случай, если он не откроет: сделаю вид, что перепутала этажи, благо этажи у нас одинаковые до последней трещины на плитке.

Щёлкает замок.

— Да?

Он смотрит на меня спокойно, придерживая дверь ладонью.

— У меня кот, — говорю я. — То есть не у меня. У вас. Мой кот у вас на балконе. Рыжий, с характером. И, кажется, считает балкон своим.

Он поворачивает голову в сторону комнаты.

— А, этот, — произносит ровно.

«Этот» мне не нравится: значит, они уже знакомы.

— Можно? — киваю я внутрь.

— Заходите.

Я вхожу и останавливаюсь сразу за порогом. Квартира новая: на столе ни следа, книги на полке стоят так, что их явно поставили сегодня и не по порядку, в углу коробка, заклеенная скотчем крест-накрест, и на ней маркером написано «кухня», хотя стоит она в комнате.

Персик сидит на балконе спиной к нам, хвост обёрнут вокруг лап.

— Ну конечно, — говорю я. — Одной территории ему мало.

— Расширится, — отвечает сосед и выходит на балкон первым.

Персик оборачивается, видит движение и решает, что началась игра, после чего уходит под стол, оттуда под кресло, оттуда снова на балкон, и делает это без единого лишнего движения, как делают коты, которые никуда не спешат.

— Он думает, что мы играем, — говорю я.

— Я понял.

Он заходит с одной стороны стола, я с другой. Персик пропускает нас обоих и садится на подоконник, между горшком без цветка и стопкой каких-то бумаг.

Я тянусь к нему, он спрыгивает, бумаги съезжают, и половина уходит на пол веером, причём веером ровным, как будто их кто-то так и разложил.

— Извините.

— Не трогайте, я потом.

Он всё-таки наклоняется и собирает верхние листы, а я в это время загоняю Персика в угол между шкафом и стеной. Кот разворачивается и уходит у меня между ног.

Мы дважды почти сталкиваемся. Я отступаю на шаг и задеваю стул, стул проезжает по полу.

— Простите.

— Всё нормально.

— Он вообще спокойный, — зачем-то объясняю я. — Просто иногда думает, что мир ему задолжал.

— Понимаю.

Персик останавливается посреди комнаты, садится и смотрит на нас обоих.

Сосед наклоняется и берёт его под грудь. Без «кис-кис» и без ловкости охотника — просто берёт.

Кот не сопротивляется.

— Держите.

Я принимаю рыжего предателя. Он тут же начинает урчать, громко, на всю комнату.

Кот найден. Я стою с ним посреди чужой комнаты и не знаю, куда деть руки, потому что обе заняты котом.

— Спасибо. Извините за вторжение.

— Ничего. Балкон я часто держу открытым.

— Прекрасно. Значит, это не последний визит. Он любит проверять границы.

— Учу, — он чуть улыбается.

Мы оба молчим. Персик урчит за двоих.

— Максим, — говорит он.

— Ирина. Ира, — добавляю я зачем-то.

Он кивает.

Я перехватываю кота поудобнее и поворачиваюсь к выходу, и в этот момент на столе загорается экран его телефона. Входящий. Он смотрит на экран, не переворачивает телефон и не берёт трубку, и экран гаснет сам, успев показать, что звонят долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.